

Д. Манский, И. Шифрин

Б
А
Р
О
К
К
О

Д. Манский, Ч. Шифрин

Б
А
Д
О
К
К
О

КЛЮЧИ

(поэма)

Илья Шифрин

от горы рожденный,
Жизнь уходит в долину,
И уносит струей студеной
Слова старых краях пустынных —
Слова гор,
над равниной колесных,
Нерешное в долину.

— Горный ток, ты унеси в долину,
Ты знаешь сияет свет,
А назад пути, на вершину,
С созвездия самого — нет.

Там текут спокойные реки,
Цветут цветы вместо света,
Там, в долине, живут человек —
Их чужды повесил с разбегу.

— Горный ток, ты унеси в долину,
Где другой ищут закон,
На одну тебе сложит бытину
Под лобзанный и тусслый закон.

Будет доля твоя струиться
Между светом и тьмой,
Будет странным для тебя сиять,
Булькнет береза вмах крутой.

КЛЮЧИ

(поэма)

I

Водопад,
от горы рождённый,
Жить уходит в долину.
И уносит струей студёной
Слово старых кряжей пустынных —
Слово гор,
над равниной взнесённых,
Перелитое в льдину.

— Горный ток, ты идешь в долину...
Там иначе сияет свет,
А назад пути, на вершину,
С сотворения самого — нет.

Там текут спокойные реки,
Цветут цветы вместо снега...
Там, в долине, живут человеки —
Их челны понесёшь с разбега.

— Гордый ток, ты ушёл в долину,
Где другой пирует закон.
Не одну тебе сложат былинку
Под набатный и гусельный звон.

Будет доля твоя струиться
Между светом и темнотой,
Будут странные сны тебе сниться,
Будет берега взмах крутой.

С рыдающим хлюпом
 свергаться отвесно...
 И место
паденья
 всей массой ощупать —
Оплакать...
 Но тесно
с своим же на слезы разбившимся страхом
обнявшись,
 всё падать,
застыв безначальной громадой.
Всё —
 падать...
Прочь от сияющей светом утешным
Льдистой вершины
 ущельем кромешным
Вниз устремляться...
И чистые струи
Рвать об оскаленных скал поцелуи.
Жить —
 это падать,
 в мгновеньи сливая
Гордую память и дикую стаю
Страстей и стремлений,
 обвалом вставая...
Жить — это падать
 каскад за каскадом,
Взвиваться, клубясь нежнорадушном прахом,
Взрываться...
 Дробиться...
И биться
 в объятьях теснины гранитных.
И низвергаться
 бездонного ужаса вечной дорогой,
И с жадой извечной — все тайны потрогать,
 Проникнуть...

Откуда мне мощь роковая дана?..
Истока не ведав, дождусь ли я дна?..
И чёрное ложе в гранитной судьбе
Зачем я проламываю себе?..
Что камню вода? Что камень воде?
Всегда оставаясь, с высот
Долго ль мне падать?..
 И что — исход:
 Приникнуть к подножью с кипящей тоской
И прекратиться,.. очнувшись — рекой?
 В вечном движеньи,
 В вечном паденьи,
 Застывший,
 Стремящийся,
 Бывший
 и длящийся...
Можно ль паденье своё превозмочь?
Жить — это
 падать...

III

*Незримое видит он,
трогая тьму
Слышна ему песня —
и только ему.*

Как символ унынья, спокойствия, сна,
Словно знак безначальной печали —
Волна за волной, за волною волна...
Шелестящих чешуек качанье.

Молчаньем течёт серебро тишины,
И осколки разбитой луны
Рассыпает вода, оставляет вода,
С собою уносит вода.

И тогда над рекою родится
Звон —
 Как стонет тихонечко птица,
Или плачет аир... И как песня без слов —
Зов,
 далёкий — как прошлое — зов...

И тогда над рекой, над пустынной рекой
Одиноко застыл человек:
Спит утёс над рекой, и застыл непокой
В наклонённой на грудь голове.

Неведомой думы моргающий лёт —
Словно пены прибрежной извив,
Словно кто-то проклятье случайное шлёт,
Словно ветра шальное «лови-и».

Невидимой птицы, песка, тростников
Ночь приносит ему голоса —
Шёпот старых времен — словно песня без слов...
А луна — серебром в волосах,

И без страха встречая взгляд ночи в упор
(шорох волн — рыданье и плеск),
Он старинный узнал в письменах приговор,
Злую роспись водой на скале.

Тех бледных штрихов вековая полынть
Оседает по жилам, звеня.
Жизнь на кончике ломкой — из сказки — иглы
Угнездилась крупинкой огня.

Непонятные сны — за наплывом наплыв,
И в гранитную память скалы
Он врезает терзающий сердце узор:
Призрак неба над призраком гор...

По чёрной воде одинокой реки
Сеть морщин рассеивает рассвет.
Действо ночи погасло. — Лицо запрокинь...
Возникает струящийся свет...

А по чёрной воде — ключья белого сна,
И последней звезды поцелуй.
И проходит туманом
 (так станет водою волна)
Человек, прочитавший скалу.

... И тогда на песок, на горячий песок,
Волны вынесут ключья тоски,
И ударит — как вспомнить о чём-то — прибой
Серо-розовой стёртой порой.

.....

IV

Шорох глух —
 шёпот сфер,
 шорох — страх,
 шорох Прошлого
 старых
 портьер...
Шелест — блеск,
 шелест свив
 ветра свист,
 наливается буйством,
 И — сник...
 хохот
 ниш,
Шорох шор,
 хоры сфер...
 Утра мудрость
 извив,
 шелест звёзд...
«И усни» —
 Голос нив...
 — Я — ветер, я — свист.
 Как раскаянья взвизг —
 Мудрость утр
 И закатов огни.
И — усни...
Что я знаю...
 Я рею, я вею,
В Ничто — хохот воя.

Я знаю изнанку:

 Походку изгнанья,

 И знания проклятье,

 И сон изваянья —

 Всё знаю

Я дую

 вслепую.

Взываю. Свиваю. Взываю.

Но тихим могу быть —

Как мёртвые губы,

Как голые глыбы

Могли бы...

Я — ветер, я — шёпот, я — шалость,

 Стихия стихий...

 Всё при мне совершалось.

 Всего и всему — неизбежный свидетель,

 Я — Ветер...

Я знаю горечь объятий вечных

Стихий, возжаждовших родства.

 Есть место, где Земля стерпела

 Воды беснующееся тело.

 Тогда погибнуть вода хотела,

 Но вот: туманом,

 дурманом,

 обманом видений

 она оделась и... присмирела,

 найдя дорогу в пустую даль.

 Твердь расступилась едва-едва,

 чтоб пропустить...

 мечту... тюрьму...

 Сосуд течений...

 А там уж — чёлн...

И, злой свободе обречён,

 Я не завидую:

 чему?..

Я — добрый Гений

 Всех мимолетностей и утешений,

 И стук мгновений, аккорд рыданий,

 хор упований —

 Всё в дуновении моём слилось.

И тайну слов
Смешное племя человечье
Открыло мне... А мне — на что?.. Я — ветер.

Но — храню...

Моим дыханьем я разгоню
тяжелые валы воды,
И понесу

песка обвал — как дым,

И по крупицам уберу следы,

И под песками (как в броню)

Всё — схороню.

.....
Я знаю всё —

Я дую, вою —

Что было, будет... Что могло бы быть.

Но никогда не открываю

Ничьей судьбы.

...Берегись, берегись,

Серебристая высь...

Через былъ

Оглянись:

Хохот штор

хохот — синь

хохот — сер...

Хохот прошлого старых портьер.

Хохот ночи и дня,

блудный холод огня

погаси. Погаси...

Уноси

тени — дни,

Догони —

вой и свист —

Догони...

V
(место эпитафии)

Под личиной отведенной роли,
Сквозь хохочущий плач бубенца,
На изломе кратчайшей доли
Духа вызволивший из неволи
Вождельем его лица,
Джина выпустивший из бутылки,
Древних знаков запреты презрев, —
Словно грешник на кончике вилки...
И пульсируют синие жилки,
И внезапно ладони мылки —
Как слеза на щеке,
Стынь звезды вдалеке —
А глаза исчезают в заре...

.....
Гулким обмороком невидимого органа
Об одной осипшей трубе
Раскрывалась на небе солнца живая рана,
И на горбатой спине косматого урагана
Был стремителен дьявольский бег.

Поворачивался вниз — не сразу —
Неуклюжим увальнем шар Земли,
И приносились слуху, и отдавались глазу
Тайны многие в близкой дали.

Волн и ветра завораживающий гекзамер,
Мятежных вод раскованный прыжок,
Гул вершин
 тиши земной доставший замертво,
Крик глубин...
 глубин неизвестных... не замер:
Он живет, безгласным эхом отражен.
Он крадется тенью белых облаков,
Он проносится воротами аорт,
Дышит в легких прикасаниях лозняков.
То вдруг взвонится, сладкой одурью влеком,
Диким кличем впереди враждебных орд.
И это он,
 должно быть, щедро напитал
Своим безумством семена иной отваги
(и гроздь её исполнил тёмной влаги),
 К иной стихии он воззвал,
Назвал по имени, и форму предсказал
(плита, растение,
 кристалл,
узор тишайший — по бумаге)...

Так к жизни вызвана была стихия мысли.
И всюду проросли неслышно
ея бесследные следы,
и раскрывались — пьяно, пышно —
Ея цветы.
А слабый человеческий ум,
На голос тихий и манящий
Он вдруг откликнулся...
 Угрюм,
Самим собою полон чаще,
Чем стройным хаосом, бушующим вокруг,
Он глянул вдаль, и увидал — Игру.
И — захотел её исчислить.

Он возмнил познать её законы,
Чтоб обратить иные вспять...
Он небо захотел обнять...
...Сквозь непролазность чащи,
вверх по склону
побрёл на поиски огня...
 Во тьме и страхе,
 самого себя кляня,
Весь ужас точности и красоту,
Доступную поднесь немногим,
Всю дрожь начал, и стройность, и неправоту —
Всё
в жертву принося дороге,
Не цель лелеял, но — мечту...
Он совершил свой подвиг строгий.
И взор упёрся —
 в пустоту...

.....

ВОПЛОЩЕНИЯ

(маленький триптих)

1

Инквизицией трижды взятый,
Трижды весивший боль в руке,
Трижды в списках пропавших осевший
И вернувшийся налегке,
Трижды песнь лебединую певший,
Трижды найденный с дыркой меж глаз,
Трижды проклятый, трижды распятый —
Я родился в четвёртый раз.

2

Трижды были вывернуты руки,
Трижды агонировал зенит.
Звери со стрекозыми крылами
Трижды покидали хризалид.
Вчуже обретаемая память
Трижды не приснившегося сна
В глиняной посудине разлуки —
Снова подымается со дна.

3

Снова молод — как собственный пращур,
Трижды траченный молью веков —
Трижды день посетивший вчерашний,
И отделавшийся легко,
Трижды в небо — седьмое! — летавший,
Трижды проченный в Мастера,
Снова с неба звезду сводящий —
Я погибну ещё не раз.

ДРУГИЕ ДНИ

(Венок сонетов)

*Кусты хризантем... во второй раз
они расцвели... других дней слёзы...
Ду Фу*

*Я люблю только радости мига
И цветы голубых хризантем.
А. Ахматова*

*Раскрылись голубые хризантемы,
Берёзовый набат в груди возник...
Как ласковый уступчивый тростник,
Кольшутся незыблемые стены.*

*На праздничное таинство измены,
Одев кинжалы шелестом туник,
Стекаются сквозистые огни —
Блуждающие древние тотемы...*

*И пробил час предвечного молебна,
Скользнула безымянная звезда —
Так нежно, так лилово, так бесследно.*

*Предсветных теней грезит череда...
Что было — все уходит тенью бледной,
Уходит, чтоб остаться навсегда.*

1

*Раскрылись голубые хризантемы,
Курчавая осенняя печаль,
И кажется, звучат они, звучат,
И кажется, что звуки стали немые.*

*Безвинны, словно веянье Эдема,
Спокойствие наивности луча,
Безвольны, как горящая свеча,
Раскрылись голубые хризантемы.*

*Замедленным движеньем ворожа,
Негрустно и легко они цветут...
И тихо отрешается душа...*

*И в медленной мелодии минут,
Непрошенный — о, вкрадчивый родник —
Берёзовый набат в груди возник.*

ДРУГИЕ ДНИ

(Двадцать четвертое)

Кисточка предвещает... по которой рисует
она раскрасит... дружит дней своим...

2

Берёзовый набат в груди возник
Предчувствием вступающей угрозы...
И, красным пламенеющие гроздя,
И — красным отливающий зенит...

И смутное видение блазнит,
Как клад, что не открыт, но прежде роздан,
Как истина, отлитая из бронзы,
Как истину скрывающий гранит...

И так неуловимо, невесомо
На хрупкую нанизывает нить
Тончайшие соблазны... Чёрный омут.

И слышно еле внятное: — Усни,
Будь — как вода, как воздуха истома,
Как ласковый уступчивый тростник...

Предвещания манят срисовать чертёж...
Что было — все уходит тайно блеском,
Уходит, чтоб остаться навсегда.

3

Как ласковый уступчивый тростник
Засматривает в сумрачные воды,
Душа взыскует тёмный лик Природы,
Бесстрастный, как за зеркалом — двойник.

И, нестерпимо устремляясь к ним,
Тем огонькам, — в распахнутые своды
Смиряется... И тиной пахнет полдень.
И ласково кивает мне тростник.

Нет, развязать заветные узлы
Мне не дано рукой самозабвенной.
Чуть обозначится в разрывах мглы

Волшебный замок (слышишь? песнь сирены...),
Как хищные встают к нему валы...
Кольшутся незыблемые стены.

Кольшутся незыблемые стены —
 Рыдает обезумевший набат,
 Клоочет звуков бронзовая пена
 С кивающего бронзового лба.

Срывается — на бал, на бал, на бал...
 И в судорогах зреет постепенно
 Провал... И безрассудный акробат
 Напряг невозмутимое колено.

... Как тонок луч зовущего каната —
 Саднящее, настойчивое «Жить!..»
 А уши рвёт прощальная кантата.

И руки на груди под плащ сложив,
 Фигура тёмная скользит надменно...
 На праздничное таинство измены.

На праздничное таинство измены,
 На пиршество лукавое Чумы
 Сзывает горделивые умы
 Всемудрый Рок... От снов неискупленных

Разбив оковы радужного плена,
 Разрушив замок ласковой тюрьмы,
 Они спешат — горит фонарь Луны —
 На праздничное таинство измены.

И рваный плащ по пыли волоча,
 Он — тут... Под фантастический напев
 Chercher la femme — скабрёзно бормоча,

Неузнанный нахмурится... И вмиг —
 По воздуху плывут семь нежных дев,
 Одев кинжалы шелестом туник.

Блуждающие древние тотемы
 В горящую симфонию Земли
 Вплетаются как бред ночных долин,
 Как призрачно-холодной флейты тема.

Распались впрах свирепые эмблемы,
 Которых содрогались короли,
 Но клич... Забытый клич в груди разлит —
 Так завещали древние тотемы.

И давнему проклятию верны,
 Сквозь жизнь несем под сердцем это бремя.
 И темной кровью наливаясь, дремлет

В груди дракон... Мучительные сны
 Текут... И замер гимна звук хвалебный.
 И пробил час предвечного молебна.

И пробил час предвечного молебна.
 Аккордами вступает тишина,
 Шаги неотвратимые целебны,
 И даль неизъяснимая видна.

Вся в белых одеяньях, благолепна,
 В молитвенную боль погружена —
 Душа моя... Душа моя ослепла.
 И кажется, что нет молитве дна.

В короткое неверное мгновенье
 Сплетаются две Тайны навсегда,
 Единой безответной сути звенья.

И тает золотая борозда,
 Где в тихое безвольное забвенье
 Скользнула безымянная звезда.

Скользнула безымянная звезда,
 Возникшая на бархатном просторе,
 Как страх, что промелькнет в случайном взоре,
 Как пахнет — мимоходом — резеда.

Так в памяти — в усильи воссоздать
 Минувшее, дым времени оспоря —
 Танцуют черепки живых историй,
 И гаснет перезрелая звезда.

Все — так же... Голубого мятежа
 Раздуется несеянный пожар,
 Вот также будет стлаться дым победный,

А воды — будут небо отражать,
 А свет погибших звёзд — в волнах дрожать,
 Так нежно, так лилово, так бесследно.

Так нежно, так лилово, так бесследно
 За дымкой исчезают острова,
 Где в сумерках растёт разрыв-трава,
 И колокол разбитый дышит медно.

И в тусклой келье — потаённой, бедной —
 Рождаются кинжальные слова,
 Чтоб будущей вражде повелевать,
 Чтоб в жилах не погас пожар враждебный.

Неузнанные прячутся угрозы
 В размытых очертаньях естества —
 Зловещие, угаданы едва.

Но в сладких замираниях наркоза
 Над зеркалом недвижимого пруда
 Предсветных теней грезит череда.

Предсветных теней грезит череда,
 На остриях лучей остыли слёзы...
 Размытой тушью — черные берёзы...
 Светлеет неба серая слюда.

Воскресший день спешит уже сюда,
 Переливать в ладонях легкий воздух.
 А в сердце — иссечённые, как *поздно*, —
 Предсветных теней грезит череда.

И прежние мечты летят протяжно
 К пределам недоступно голубым,
 Куда ничто не достигает дважды...

И белый плащ полощется вослед им,
 И белый флаг — как приговор судьбы:
 Что было — всё уходит тенью бледной.

Что было — всё уходит тенью бледной,
 Размеренною поступью отлива,
 Как волны — монотонно, сиротливо —
 Идут, минуя берег заповедный.

Как маятника взмахи, безответны
 Укоры неустанного призыва.
 И сыплется, и сыплется пугливо
 Песчинка за песчинкой — сонм несметный...

Вновь Хаос простирает чёрный плащ,
 Свершается миров урок священный...
 Вселенная — бесстрастна и седа.

И Память — молчалива и светла —
 Уходит за живой водой прощенья,
 Уходит, чтоб остаться навсегда.

Уходит, чтоб остаться навсегда,
 Последняя несыгранная нота.
 И Солнца шар — огромный грозный лотос —
 Клубится вспять по розовым следам.

Так — водопад, рожденный изо льда,
 К подножьям горделивого оплота,
 Свергая перворайские немоты,
 Проходит, чтоб остаться навсегда.

Таков закон. Бессмысленно роптать.
 В горячей капле бесконечно криво
 Мир будет отражен опять... Опять

Под небом, непростительно красивым —
 Одни на всей Земле — склоняя шлемы,
 Раскрылись голубые хризантемы.

*Я пил вино из герняховской гашки.
 Я был кожевником. Не знаю... Турком.
 ...и шар безумный в красное окрашен,
 и сладок зов улыбки пертвогубой...*

*Моё лицо от первобытных наших
 Я отрывал, когда ревели трубы.
 Я видел: Саламандра в небе пляшет...
 ...и горький шип брешит на тём-то ступенном
 в пустое небо...*

*Задохнувшись в беге,
 Всё поспешало отомщать друг другу.
 Опять свирались по земле «олеги» —
 Пожар и мор передавать по кругу.
 ...Бог не забыл нам прегрешений наших...
 Я пил вино из герняховской гашки.*

I

Я пил вино из черняховской чаши,
Ещё хранившей соль веков упрямо.
Миг узнаванья был как Вечность страшен.
Прощальный давний клич возник из ямы

И солнце отменил, что било прямо
В раскрыв «дневной поверхности» вчерашней...
...В захламленности брошенного храма
я пил вино из черняховской чаши.

И новой кровью наливалась плоть,
Костяк, казалось, делался чугунным,
Ещё б я мог преображенье побороть,
Но... или снится?... засипели струны,
В руках — копьё, готовое колоть.
Я был кочевником... Не знаю. Гунном.

II

Я был кочевником... не знаю... гунном.
Я жил в седле. Меня любила ночь.
Безжалостной тропой набегов буйных
Я шёл за солнцем, уходящим прочь.

Я знал блеск золота — кроваво-жёлтый,
В угаре сечь, когда дышать невмочь.
В Хорезме подлом был убит. Заколот.
Да смерть не совладала уволочь.

И — вновь иду. И ноги ставлю криво.
И повстречать своих убийц не прочь.
Мне повезло — никто вослед не машет.
Пусть... Яблоко судьбы моей червиво.
Мне поступи своей не превозмочь,
И шар безумный — в красное окрашен.

III

...и шар безумный в красное окрашен...
В груди от красных сполохов светло.
Серебряная сбруя, конь редчайший,
Из кожи человеческой седло.

Я знаю роковое наслажденье
Одно — сквозь время падать напролом,
Чтоб сыпались убитые мгновенья,
И чтоб палёным от копыт несло.

Чтоб белый прах, как дым, клубился сзади,
И душу обнажая наголо,
Встречать любимых братьев — смерти ради
(всю жизнь свою я перед ней в долгу был)...
Но — поздно. Ночь на убыль повело,
и сладок зов улыбки мертвогубой...

IV

...и сладок зов улыбки мертвогубой,
и белой вспышкой прокричал закат.
Тупых копыт неутомимый бубен
в крови иссяк... И лиц тоскливый ряд

(глаза... не знаю... смотрят и корят)
легко соткался в непроглядной глуби.
Без звука раскололся циферблат,
и время вывалилось чёрным кубом.

Так неурочен пробужденья срок.
А здесь — седок и конь — я был доволен,
Меня порыв неодолимый влёл,
Рвал небо красный ветер одичавший...
Моя тоска — о первобытной доле.
Моё лицо — от первобытных пашен.

V

Моё лицо... От первобытных пашен,
От жертвенника с тлеющим тельцом,
И с крыльев бабочки ночной, пропавшей
в огне свечи, — с улыбкой мертвецов,

Никем не бывших и ничем не ставших,
Сквозь дыма синеватое кольцо
от углей, сто веков не погасавших, —
Глядит моё извечное лицо.

Кто знает, как смертельно горяча
безвременно зажжённая свеча,
И для чего она горит ночами?
Ключ истины, укрытый колдунами
от глаз — во мгле, где залегают руды,
Я отрывал... когда ревели трубы.

VI

Я отрывал, когда ревели трубы,
От мирных дел и душу, и коня.
Мне ноздри запах смерти наполнял,
Огонь кивал по ветру чёрным чубом.

Врага окоротить мне было любо.
Я гибели ковёр ему стелил,
И голыми руками от земли
я отрывал...

Опять ревели трубы,

и гулко надрывался барабан,
и очертанья Цирка проступали:
кивали на трибунах черепа
в испарине... истлевшие рубахи...
стреляли синим лучиком стекляшки...
Я видел: Саламандра в небе пляшет.

VII

Я видел: Саламандра в небе пляшет
(и нужды нет, что Землю отнесло),
То жрицей гнева — грозно и светло,
То куртизанкой — раскорячив ляжки...

Всё дальше... Не опора ей земное.
Отброшено... Ненужный камуфляж...
Ещё прыжок — последний белый кряж
Уйдёт за тьму, оттянутый в былое...

Да ей и не могла быть дорога
шершавая чуть тёплая планета,
где — то вода, то негорючий грунт,
где и огонь не порождает света,
лишь плач волынки душу исторгает,
и горький шут бренчит на чём-то струнном.

VIII

И горький шут бренчит на чём-то струнном
под гулы свадеб, ярмарок и войн —
не тихо у истока вещей рун,
и шутовской его колпак раздвоен.

Звон бубенцовый стынет на ветру —
не оберечь уroda от ушибов...
во все века — рассечен до души —
он всё бренчит, бренчит на чём-то струнном,

и перестать не может... Боже мой!
Его сосёт мечта — прийти домой
и кануть в сон... и там... во сне...

безумцем
стать... Психом с бородавкой на губе!!
Вдруг побежать, завывать, грозить трезубцем
в пустое небо, задохнувшись в беге...

IX

Пустое небо. Задохнувшись в беге
Орда текла, теснимая ордой.
Висела пыль, бряцала сталь... Телеги
тащились под защиту городов.

И воины прощальный плач души,
полегши в пыль и в Вечность отбывая,
всё посылали не в степную ширь,
но — ввысь... И каменела пыль степная,

напитанная кровью... И цвели,
алея, по степи весною маки —
сказаний древних вековая накипь,
вдруг вырвавшаяся из-под земли.
Пастух ли, пахарь — брался за кольчугу.
Всё поспешало отомщать друг другу.

X

Всё поспешало отомщать друг другу.
Ночной ли мрак, иль свет неверный дня.
Лишь время медленно брело по кругу,
Так никогда лица и не подняв.

Живое подымалось на живое,
Стихия — на стихию, род — на род.
И даже звёзды в небе под конвоем
Вели свой пресловутый хоровод.

...жизнь есть борьба...

...мир есть война...

...и верно,

в том только правды соль заключена,
что неизвестна никогда цена,
которую платить за все ночлеги...
Меж тем — в тени дворцов (шатров? пещер?)
Опять собирались по Земле «олеги».

XI

Опять сбирались по земле «олеги» —
держать совет, и выяснить — кто князь.
И вновь шептались, по углам таясь,
людишки тёмные... Опять набеги

татарове, хазары, печенеги
и прочие — чинили, не спросясь.
И летописи кружевная вязь
хранила всё — от альфы до омеги —

чтоб помнили...

— Скажи, монах, зачем
мне знать, как наказал их белый царь,
и как друг друга истязали встарь...
Ты нам составил Книгу Палачей?
Что завещал как высшую заслугу —
пожар и меч передавать по кругу?..

XII

Пожар и меч передавать по кругу,
и сеять ветер всюду и везде,
чтоб бурю пожинали с перепугу
другие... Очутившимся в беде

протягивать величественно руку,
в другой припрятав дружеский кастет...
Как скоро мы освоили науку
лихую — в первозданной полноте!

Четверолапый предок на планете
рептилий, копошащихся в траве,
был зол, пуглив, уродлив, неприметен,
но — любопытен... Ныне — человек
стал чище, и мудрей, и краше...
...Бог не забыл нам прегрешений наших...

XIII

...Бог не забыл нам прегрешений наших...
И скользко отражаются в воде
осколки нескончаемых видений
и бесконечных будней ералаш —

бурлящий мир, неверный, как мираж.
И чтоб — как знать? — бессмысленной затеей
он не казался нам, по доброте
Бог ниспослал нам прегрешенья наши.

Так и живём — ведь нет запрета жить.
Приходим и проходим чередою,
Прозрачной омываемы водой —
И вот воронка медленно кружится...
Потом — полнеба красным опояшет...
Я пил вино из черняховской чаши.

XIV

О. В.

Я пил вино из черняховской чаши.
И назывался, вероятно, гунном.
И в час, которого не будет краше,
Я был наложником дикарки юной.

Пустая степь. Глубокий топот конский.
Полоска бус на смуглой шее — лунным
царственным шрамом. О, безумство гонки!
О, непомерность счастья — быть безумным...

Но нас нашли. И жрец сказал: — Виновны.
Горело каплей лунной длинное копье.
В скале был вырыт нам альков любовный,
и первой — тонкий луч пронзил её.
Миг — горше века... Время так и пляшет...
Я пил вино из черняховской чаши.

.....

Там... Вот и продолженье бала.
Какой-то, чёрт его, подвал,
где день скрывается от света,
где хоть и сыро, но паркет —
«Там».

...Там?

Там — это что? — стоят, готовы,
статисты, прикипев к местам,
с нераспечатанными ртами
на белых коконах голов,

Тьма! —

волосатыми кустами
растёт подмышками углов,
поёт клозет с зарёю новой,
и безыскусственно проста
вся обстановка. Дааа...

К законной маме
не уползёшь потом назад,
и мрак, и свет кляня с досады,
спустись хоть раз —

для смеху — сам.

.....

Но что,

что делать там поэту —
в подвале днём?..

Безглазый шкаф...

Стол... крытый чем-то под газет...
Облезлый пуф... цветки с горшками

и без...

Игра.

В какую же игру
ещё играть? Что

он такое скажет,

что, размалёванные грубо,
впадут марионетки в раж,
и вдруг запрыгают по стенам
их тени бешеной толпой,
и небо глянет голубое
из глаз, привыкших к темноте,

заговорят их рты немые,
и плоть,

живая плоть сквозь клей и мел
проступит грозно?...

Боже смелый,
ведь мир был сотворён из тьмы.....

.....

Поэт истратил свою ночь
и не избыл ничьей печали...
Стал незначительно короче
путь, извивающийся вдаль.

И относительно понятней
стал перекрёсток всех дорог.
...Очки и нарукавник сняв,
День смотрит пристально и строго.

И не укроешься нигде,
от Ночи солнцем заслоняясь,
и скучно врать при взгляде дня.
...Не верь, не верь поэту, дева...

Что ж остаётся?.. На ночлег
к воспоминаньям попроситься,
и попустить душе-калеке
себя мечтою воскресить.

Ты — это ты — стала твоя
 душа — это ты — стала твоя
 душа — это ты — стала твоя
 душа — это ты — стала твоя

Д. Минскому.

Неразборчивым почерком, издали,
 Души пишут на Землю послания.
 Эти письма доходят — их видели,
 Сквозь удар обретая сознание.

А потом — в алебастровом трепете,
 Ждали пристально — вспомнить их пение.
 Роковой порукою скреплены
 Час погибельный с часом творения.

И, зачатые в лоне Извечного,
 Мы — как тени, мы — чье-то мечтание,
 И клеймом наши лбы перемечены...
 Наша жизнь... Кто-то продал места в нее.

Время в скользкие кольца свивается,
 Мы не наши меняем круги,
 Но кому-то сквозь рай вспоминаются
 Ксилофонные эти шаги...

Угорев от бессмысленной ярости,
 Взор — до срока — наш тянется на небо.
 Этот вечер — и теплый, и тягостный —
 Может, тоже уж прожит когда-нибудь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Д. Минский

Мы построили дома на песке...	5
ВЕНОК СОНЕТОВ	6
ПЕРЕЛОЖЕНИЯ. ЧУРЛЕНИС (5 картин)	
1. Морская соната	22
2. Из цикла «Зима»	23
3. Жертва	24
4. Сказка	25
5. Весна. Колокольня	27
ИСКУШЕНИЕ. Г. Овчинников (Триптих)	29
КОЛОКОЛА. Эдгар По.	35
ТРИ ПАЛИНДРОМА	
1. Холода	40
2. Око	41
3. Немень	42

И. Мисфрит

КЛЮЧИ (поэма)	45
ВОПЛОЩЕНЬЯ (маленький триптих)	58
ДРУГИЕ ДНИ (Венок сонетов)	60
ЕЩЕ ВЕНОК	75
МАЛЕНЬКАЯ ПИЭЗА	90
Неразборчивым почерком, издали...	94

Мы построили дома на песке 7
ВЕНОК СОНЕТОВ 6
ПЕРЕВОЖЕННИК ПУШКИН (2 картина) 5
1. Морская свистулька 22
2. Из пьесы «Венки» 23
3. Жернов 24
4. Сказка 25
5. Вена Колокочина 27
А потом 29
ИСКУШЕНИЕ Т. ОВЕНСОНА (1 картина) 30
КОЛОКОЛА Эдвард По 32
ТРИ ПАВЛИЦЫ 34
1. Холма 40
2. Ого 41
3. Невня 42
И 43
Наша жизнь 44

ЛР № 070657 от 11.11.92

Подписано в печать 04.08.97.

Формат 60 x 90/16. Усл.печ.л. 6,00. Уч.-изд.л. 2,75.

Тираж 1000 экз.

Издание выпущено при участии
издательства «Книга»

125047 Москва, 1-я Тверская-Ямская, 22